

УДК 271.22-725:631(470.2)

**СВЯЩЕННИКИ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ:
РОЛЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЖИЗНИ
ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ
(XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены проблемы обеспечения духовенства землей для ведения сельского хозяйства. Выявлено, что источники пополнения земельных наделов, используемых духовенством, заметно различались. Имеются сведения о церковной земле, получаемой духовенством от прихожан после вступления в должность (рукоположения). Другим источником пополнения земель стал собственный труд священников и причта на подсеке, расчистка земельных участков от леса (подсечное земледелие) и осушение болот. Государственные мероприятия, нацеленные на улучшение материального положения духовенства и наделение клириков землей в достаточном для ведения стабильного хозяйства размере, по ряду причин не достигали успеха. Церковное начальство полагало, что труд на пашне сближает духовенство и мирян, способствуя взаимопониманию. В среде сельских пастырей постепенно росла убежденность в том, что основу дохода иерея должно составлять казенное жалованье.

Ключевые слова: земледелие, духовенство, Церковь, клир, крестьяне, агрокультура, труд, доходы, экономика.

**PRIESTS-FARMERS: THE ROLE OF AGRICULTURE
IN THE LIFE OF THE OLONETS DIOCESE PARISH CLERGY
(18TH AND EARLY 20TH CENTURIES)**

Pulkin M.V.

The paper discusses the problems of providing clergy with land for farming. It was revealed that the sources of replenishment of land allotments used by the clergy differed markedly depending on the specifics of individual parishes. There is detailed information about the church land received by the clergy from parishioners

immediately after taking office (ordination). Another source of land replenishment was the own work of priests and clergy in clearing land from the forest and draining swamps. State measures aimed at improving the financial situation of the clergy and endowing clerics with land sufficient to maintain a stable economy have not been successful for a number of reasons. The Church authority believed that work on arable land brings clergy and laity closer together, contributing to mutual understanding. Among rural pastors, the conviction gradually grew that the basis of a priest's income should be a government salary.

Keywords: farming, priesthood, Church, clergy, peasants, agriculture, labour, income, economy.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН по теме «Культурное наследие и исторический опыт Карелии и сопредельных регионов: новые подходы и интерпретации» (2024-2026) 124022000029-0.

Среди ряда значимых источников пополнения бюджетов священнических семей земельные наделы с древности играли особую роль, являлись наиболее стабильным, сравнительно независимым от произвола мирян, источником пополнения доходов духовенства. Изучение указанной проблемы в контексте аграрной истории привело к появлению ряда трудов, в которых вопрос землевладения духовенства рассматривается в качестве важного аспекта истории аграрной экономики и традиционной культуры. Многочисленные и разнообразные проблемы землепользования клириков неизменно остаются в центре внимания специалистов по конфессиональной и экономической истории [21, с. 129-135; 37, с. 49-57]. Современные исследователи полагают, что «каждый причт получал от прихожан определенный надел земли, который, как и доход от церковной службы, делился между клириками в иерархическом порядке» [27, с. 42]. *Задача данной статьи состоит в изучении специфических условий землевладения и землепользования приходского духовенства Олонецкой*

епархии в контексте правовых норм и традиций ведения крестьянского хозяйства.

В суровых климатических условиях севера урожаи зерновых не могли стать стабильными. Священникам приходилось постоянно заботиться об иных, альтернативных источниках доходов [10, с. 146-160]. В кратком описании Немжинского прихода, выполненном в 1863 г., но отражающем вполне типичную ситуацию разных лет, содержались указания на постоянный хозяйственный риск, связанный с местным земледелием: «Пахотная земля, по низменности и по близости вокруг оной лежащих болот, в иное лето не приносит никакого плода». Сообщалось, что вследствие негативных для земледелия климатических условий «хлеб замерзает, да и в благоприятное для прозябания плодов лето весьма ничтожную приносит благодарность сверх расходов, употребляемых на обрабатывание оной» [30]. Тем не менее, вопросы обеспечения духовенства землей стали существенным элементом взаимоотношений духовенства и прихожан. Хаотичное наделение клириков землей, существовавшее по воле прихожан на протяжении столетий, постепенно, начиная с XVII в., заменялось рациональной нормой закона [35, с. 319-320]. Впоследствии писцовые книги использовались в качестве веского аргумента при судебном разбирательстве. Священник Вытегорского уезда Контужской волости Тимофей Никифоров, обратился в Олонецкую нижнюю расправу с просьбой «дать выпись» о церковной земле «с писцовой 136 и 137 (1628 и 1629 – *М.П.*) годов книг» [44]. Аналогичные аргументы в спорах использовала и противоположная сторона – прихожане. Крестьяне деревни Нижней Андроновской в 1777 г. указывали в прошении, что в их населенном пункте «имеется тяглая земля, которая по писцовым 129 и 130 (1621 и 1622 – *М.П.*) годов книгам значится крестьянская» [47, л. 2].

В XVIII в. межевые инструкции предписывали «к построенным во владельческих селениях после писцовых книг церквам», к которым «не дано» пашни и духовенство не получает от прихожан ругу, а занимается земледелием, отводить участки не более 30 десятин [17]. Ситуация, сложившаяся к 1790-м

гг., когда генеральное межевание в Олонецкой губернии завершилось [22, с. 56], явствует из ряда источников. К их числу относятся ведомости о состоянии церковных приходов. В них указывалось наличие или отсутствие в распоряжении приходского духовенства карт отмежеванных к церкви земель. Материалы ряда судебных дел подтверждают, что карты генерального межевания становились главными аргументами в судебных разбирательствах. Источники позволяют выявить ситуацию, сложившуюся в 49 приходах. Из них вообще не имелось земли в распоряжении клира 16 приходов. Располагали землей, но не имели карт генерального межевания священно- и церковнослужители 26 приходов. Белое духовенство семи приходов легко могло предъявить документы, бесспорно подтверждающие их имущественные права.

В XIX – начале XX вв. карты генерального межевания не утратили свое значение. Храм в Брусенском приходе располагал лесной дачей, точно обозначенной в документе, составленном в 1784 г. Лес, принадлежавший церкви, употреблялся для нужд ремонта и строительства храмов. Его также продавали посторонним лицам [25, с. 297]. Приведенные выше цифры отражают то положение, которое существовало на бумаге. В ряде случаев крестьяне отказывались признавать результаты землеустроительных мероприятий, продолжая использовать отведенную к церкви землю для собственных нужд. В Шуйском приходе земля, фактически находившаяся в пользовании духовенства, составляла, как указывалось в ведомости о приходах за 1802 г., «самую малую часть». Отведенными землемерами участками владели крестьяне [8, л. 1 об.].

Современные исследователи полагают, что наличие у духовенства сколько-нибудь значительных земельных участков «вызывало раздражение» северных крестьян [26, с. 739]. К плачевным результатам привело размежевание церковных и крестьянских земель в Лоянском приходе. Землемеры в 1788 г. «учинили прибавок» церковной земле. Они провели межу, на которой «по указу и по инструкции столбы з гербами поставлены для вечных

признаков». Вскоре после отъезда чиновников выяснилось, что крестьяне, «согласясь единогласно, приступили и выкосили натурою самосильно на церковной казенной и прежней писцовой вечно их владения земли лутчие места» [64, л. 1-1 об.]. Аналогичный спор возник в 1819 г. и в Андомском погосте после «беззаконного», по мнению крестьян, отмежевания земли священнику Иакову Васильеву «с причетники». Крестьяне, отказываясь признавать результаты межевания, писали, что «объявленные священник с причетники изстари без всяких церковной земли дач довольствованы были мирскою приходскою ругою и доходами, а не от пашенной земли» [46]. В 1821 г. сходный случай имел место в Оштинском приходе Лодейнопольского уезда. Крестьяне решили отнять отмежеванную к церкви землю: вооружившись «смертоносными орудиями», они «вторглись на самую середину» участка земли и демонстративно засеяли надел [51, л. 1-1 об.].

Известны две группы документов, дававших священно- и церковнослужителям защиту от самоуправства крестьян. Но бросается в глаза резкое различие. Результаты генерального межевания оказались для духовенства незначительными. В ряде случаев там, где межевые знаки появились, крестьяне проигнорировали результаты землеустроительных мероприятий. В подавляющем большинстве приходов не имелось ни карт, ни «указной пропорции земли». Но писцовые книги оставались веским аргументом на протяжении всего изучаемого периода. Объяснение парадокса состоит в следующем. Во-первых, данные писцовых книг обязательно учитывались при генеральном межевании: «Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам» предписывала «ко всем церквам, которые состоят в действительном служении, церковные земли утверждать по писцовым книгам и по дачам» [18]. Во-вторых, использование писцовых книг, в отличие от новоявленных карт генерального межевания, сочеталось с обычно-правовыми нормами, в соответствии с которыми давность владения являлась одним из основных критериев при решении земельных споров [36, с. 44].

Если необходимые документы отсутствовали, вопрос решался исходя из норм обычного права. Использовался «суд стариков», в котором «участвовали наиболее опытные люди в деревне» [4, с. 97]. Судя по указу Петрозаводской нижней расправы, в 1787 г., после того, как в Типиницкой волости разгорелся спор между духовенством и крестьянами, в суде допросили местных жителей, «имеющих себе веку от рождения шестидесят и с лишком до девяноста лет». Они показали, что земля передана во владение церковнослужителям «добровольно от общества крестьян и более следует ко владению церковнослужителям» [68, л. 7]. При возникновении спора между причтом Яндебского прихода и местными жителями в 1892 г. допросили старожилов, которые дали показания в пользу священника [43]. Примечательно, что ссылка на давность владения принималась во внимание и в судебных органах. Круг источников здесь ограничен: северные крестьяне не любили выносить сор из избы и нередко решали земельные споры на сходах, минуя суд. Во всяком случае, автор записки о «Примеченном образе правления в деревнях разного рода государственных крестьян» писал, что на сходах нередко «определяются прошения о завладении землей <...> которые еще в канцелярии неизвестны» [39, л. 148].

Порядок решения дел ставил священно- и церковнослужителей в зависимое от прихожан положение. В некоторых случаях крестьяне оставляли за собой и право перераспределения земли. По данным рапорта прапорщика Боровитинова, крестьяне Гонгинской выставки Винницкого погоста в 1774 г. передали клиру своей церкви Мауринскую пустошь, которой прежде владел крестьянин Евсей Ананьев. Пустошь была отведена «с согласия мирского и с платежа за владение оной пустоши в мир денег по двадцати копеек в год». Некоторое время спустя земля перешла в пользование крестьянина Михайлова «с соседи». Обжаловать решение крестьянского «мира» оставалось для клириков непростой задачей. Земельные споры решались «по сущей справедливости и чистой христианской совести» на основании показаний местных крестьян [55]. В XIX в. здесь по воле законодателя происходили

изменения. В Сенатском указе специально оговаривалось, что «земли, отведенные церквам от прихожан для довольствия причтов, не подлежат отчуждению». Исключения «допускаются лишь в особо уважительных случаях» [3, с. 56; 11]. Церковный причт становился «ближайшим охранителем» неприкосновенности приписанных к приходскому храму угодий [2, с. 63]. Обращение к действительному положению дел показывает, что благие пожелания остались на бумаге. Судя по описанию Подпорожского прихода, составленному в 1863 г., местный причт вообще не располагал земельными участками. «Несмотря на то, что крестьяне, по просьбе которых открыт приход в 1852 г., обязались дать земли полную пропорцию», но в реальности при церкви надела нет [32, л. 15 об.].

Изредка клирики покупали землю. В 1775 г. епископ Олонецкий и Каргопольский распорядился, «чтоб в вечное владение никто нигде земель впредь из священно- и церковнослужителей не покупал» и разрешил лишь «за малоимением при церкви церковной земли», брать ее «указным порядком» «из оброку» [57]. Из документов неясно, какие цели преследовал епископ. В.И. Семевский считал подобные шаги составной частью ряда мероприятий, предшествующих генеральному межеванию [62, с. 633]. Нами обнаружен всего один случай покупки земли священно- и церковнослужителями, что вполне объяснимо. Клирики приобретали участки только в тех случаях, если имеющаяся при церкви земля и иные доходы не позволяли им прокормить семейства. Определенное влияние оказывал запрет. Далеко не всегда представители духовенства располагали необходимыми средствами и смелостью для того, чтобы принять на себя налоговую нагрузку. И все же в 1783 г., как видно из «купчей записи», священник Федор Васильев купил у крестьянина Оштинского погоста «по оценке и с публичного торга» движимое и недвижимое имущество. Приобретались земельные участки: «в полях и в заполках, в сенных покосах четвертую часть всю без остатку». За надел священник обязывался платить «повсягодно подушных денег за одну душу» [24].

Наряду с обычными формами приобретения земельных участков имелись и специфические, присущие только духовенству, пути пополнения наделов. Они иногда доставались клиру от завещателей, не являющихся их родственниками и отдающих свои земли не клирикам, а к приходской церкви. Судя по завещанию, крестьянин Афанасий Ларионов отдал в 1787 г. свой участок «в дом Николы чудотворца на вечное поминание» и велел «детям и внучатом, ни сродникам, ни племянникам никакими вымысли не вступаться» [14]. Но завещания откладывались в фондах судебных учреждений лишь в тех случаях, когда наследники нарушали волю покойного. На основании имеющихся немногочисленных документов невозможно судить о том, насколько типичен такой путь пополнения приписанной к церкви земли. Наделы, находящиеся в пользовании духовенства, имели разный статус. В современных исследованиях нередко фигурирует только одна разновидность находящейся в распоряжении духовенства недвижимой собственности – церковная земля, закрепленная за приходским храмом [5, с. 135].

Исследование позволяет увидеть более сложную картину. Двойственный порядок приобретения церковной земли (покупка и получение в ходе межевания) имел еще одно важное последствие. На протяжении всего изучаемого периода он влиял на наследование угодий, находящихся во владении клириков. Священно- и церковнослужители свободно распоряжались теми земельными наделами, которые находились в их бесспорной собственности: росчистями и прикупными землями. В 1789 г. пономарь церкви Николая Чудотворца Туломозерской волости, как видно из его завещания, оставил своему сыну, крестьянину Осипу Иванову, «пашенные земли и сенные покосы свои собственные и по закладным письмам» [15]. Если же речь шла о церковной земле, порядок наследования становился иным. Судя по прошению «дьячкова сына» Егора Кузмина из Ильинской выставки Водлозерского погоста, проситель лишился права пользования церковной землей в 1781 г., после провала на экзамене у епископа. Церковная земля, которую он мог бы

получить, поступила в распоряжение другого, более квалифицированного, члена клира [41].

По материалам XVIII в. известны случаи, когда в пользование духовенства поступала тяглая земля, что стало продолжением традиции. В соответствии с ней земельные участки выделялись духовенству «миром» или церковными старостами. Клирики рассматривались крестьянами как «такие же члены общины, как и остальные» [66, с. 127]. Существование сходного порядка наделения землей в изучаемый период стало возможно благодаря специфическим чертам крестьянского правового сознания. «Ревизская душа, созданная законодательством, – пишет С.П. Кавелин, – обратилась в податную фикцию, жизненный смысл в которую со временем вложили сами плательщики. Под ревизской душой стали понимать определенный земельный участок» [19, с. 10]. Становилось возможным взимание подушной подати и с представителей белого духовенства. В 1784 г. крестьяне Контужской волости «сверх имеющейся церковной земли», «общим согласием» отвели выморочную землю священнику. Вскоре крестьяне «за неплатеж оным священником всяких казенных податей» участок обратно «обществом в мир взяли». Священник оправдывался, говоря, что готов платить подать, но аргументы крестьян остались незыблемыми. Пашня «состоит тяглая, а не церковная, которая поделена по душам, в чем и ссылку имеют о церковной земле на писцовые книги». Суд, в который обратился священник, поддержал крестьян [48]. В XIX в. отмечаются сходные черты поведения духовенства. В 1865 г. крестьяне Мегрецкого погоста составили «приговор» «об оставлении за священно- и церковнослужителями того погоста владеемой ими земли, принадлежащей крестьянам». Решение крестьян вошло в противоречие с буквой закона. Олонецкий уездный суд распорядился «приговор признать не имеющим силы», а землю «отобрать от причта в ведомство государственных имуществ» [67].

Полученные от прихожан или отмежеванные землемерами участки члены клира делили между собой в соответствии с должностями. В XVIII в. служители Церкви руководствовались местными традициями. Крестьяне

Шунгского погоста указывали в прошении, направленном в 1778 г. в Олонецкий верхний суд, что в их приходе «землей священник с причетники владели по 1777 год каждой по частям». Дьячок Иван Петров «помре», а «отданную ему миром землю означенный священник Иванов, не спрося мирских людей ко владению дозволения, взял себе и поныне пашет» [49]. В 1781 г. аналогичное прошение поступило в Синод. Крестьяне Остреченского погоста жаловались на священника Ивана Тихонова, который «из церковной земли себе самовольно большую часть выделил» [50, л. 23]. В XIX в. церковное законодательство закрепило сложившиеся в среде белого духовенства традиции. Решение оказалось вполне предсказуемым: «Церковная земля <...> разделяется на участки разного пространства соответственно назначению их членам причта, имеющим один пред другим преимущества по степеням духовного служения» [2, с. 64]. В начале XX в. отмечаются случаи, когда вся отведенная к церкви земля находилась в распоряжении священника. В описании Немжинского прихода Лодейнопольского уезда говорится: «Землею владеет местный священник» [69, с. 508].

Российское законодательство XIX в. делило все земли, находившиеся в хозяйственном ведении представителей духовенства, на две категории. Одна – «земли, принадлежащие им по прежним дачам и писцовым книгам». Другая – участки, «отводимые к ним для довольствия от прихожан в установленной межевыми знаками пропорции» [2, с. 120]. Все отведенные к Церкви земли составляли «неприкосновенную церковную собственность» и ограждались законом «от всяких посторонних притязаний» [16, с. 158]. В то же время приходское духовенство продолжало использовать для своих нужд земли, на которые у него не имелось никаких документов. Судя по описанию Немжинского прихода, составленному в 1863 г., у местного духовенства имелось три десятины земли, но не было «плана и межевой книги на сию землю» [30]. В 1860-е гг. было составлено описание Шеменского прихода. В нем содержались совсем странные сведения о землепользовании духовенства. Как указывалось в документе, духовенство «имеет во владении пахотной земли

с сенокосом всего 3 десятины, где помещаются две церкви, колокольня и кладбище, а часть под водою – озером Шеменским», но документов на землю «при церкви нет» [59, л. 24]. Городское духовенство пыталось использовать земельные участки для хозяйственных нужд и сталкивалось с теми же проблемами, что и сельские коллеги. Как указывалось в описании Олонецкого Николаевского собора за 1879 г., «земли при сем соборе хотя имеется в уезде сенокосной 15 десятин, неудобной и поросшей мохом», но план и межевая книга отсутствуют [9].

Судя по описанию Плотиченского прихода, составленного в 1863 г., «земли к церкви по отмежеванию в 1827 г. 33 десятины, но во владение землей причт не введен». На земли «межевых книг нет, а причт пользуется землей, издревле состоявшей при церкви» [31]. В 1875 г. аналогичный конфликт имел место в Контушском приходе. Местные крестьяне уничтожили все межевые знаки, расположенные на церковной земле, «у так называемой Поповой мельницы». В результате местное духовенство лишилось «важнейшего и благонадежнейшего источника своего содержания» [65]. В 1888 г. начался очередной этап конфликта между духовенством Ругозерского прихода и крестьянами. Источником длительного спора стал отвод в 1833 г. к церкви дополнительного надела. Попытка пересмотреть итоги межевания в 1866 г. закончились удачей для крестьян: они вернули себе утраченную землю. Причт не согласился с решением суда, что и послужило основой для нового судебного разбирательства [56, л. 60-7]. В 1874 г. в судебное разбирательство с крестьянами вступил настоятель церкви Вытегорского погоста священник Федор Сермягин. Он указывал, что в его приходе «межевые знаки поставлены при нарезке земли», но уничтожены крестьянами. Судебное разбирательство завершилось в пользу духовенства [53].

В 1886 г. начался новый этап спора между крестьянами Пиркинского прихода и духовенством. Противостояние имело длительную историю. В 1783 г. землемеры отвели духовенству четыре участка, но крестьяне деревни Харевщины не согласились и самовольно завладели церковной землей. В 1882

г. межевые границы были возобновлены: «выкопаны ямы, поставлены столбы и причту выделены копии планов генерального межевания». Но крестьяне пошли на явное преступление: «уничтожили межевые знаки, заровняли ямы, выкопали столбы» [42, л. 1; 45, л. 1 об.].

Примеров такого рода немного. Все случаи являются значимыми только с учетом того факта, что отмежевание к Церкви в соответствии с законодательством 30 или менее десятин земли оставалось довольно редким фактом. Поскольку межевание в Олонецкой губернии началось в 1780-е гг., то гораздо большее значение при закреплении участков за священно- и церковнослужителями имели писцовые книги. В 1782 г., как видно из рапорта Олонецкой верхней расправы, к их использованию прибегли священно- и церковнослужители Рождественской церкви в споре с крестьянами Пиркинского погоста из-за отмежеванной к церкви земли [54].

Немаловажное значение имела собственная хозяйственная инициатива священно- и церковнослужителей – разработка новых земельных участков. По данным ведомости о состоянии церковных приходов, духовенство нередко самостоятельно вводило земли в сельскохозяйственный оборот. В Янгозерском приходе «нарочно отведенной церковной земли» не имелось, а «состояло» «по крепостям и разнovidным письмам от прежних времен от 7176 (1668 – *М.П.*) года данного священно- и церковнослужителям владеемых и *своими трудами упаханных* по усеву ржаного в поле на 5 четвериков, а в дву по тому ж» [8, л. 55]. В Салменижском приходе, по данным того же источника, у них не имелось никакой земли, кроме «своими трудами разработанной» [8, л. 8]. В середине XIX в. начальник Олонецких горных заводов подчеркивал, что разработка земельных участков силами духовенства является панацеей для решения проблем сельских клиров. Как указывалось в «Соображении собранных сведений относительно обеспечения православного сельского духовенства в Петрозаводском уезде землями, домами и единовременными пособиями», неизбежно появится «много препятствий и затруднений при наделении церковью узаконенною пропорцией земли». Особые проблемы возникнут в том случае,

«если церковнослужители в число пропорции <...> не будут принимать земель из удобных пустопорожных мест» [63].

Законодательство XIX – начала XX вв. стояло на страже прав белого духовенства, жестко обязывая прихожан обеспечивать его землей. Выполнение законов явно затягивалось. В 1898 г. крестьяне, собравшись на сельский сход, приняли решение об отводе 30 десятин земли причту Салмозерского прихода [13, л. 6]. По закону, если владельцы не соглашались отвести к Церкви достаточное количество земли, полагалось «от каждого владельца отрезывать участок земли в церковный удел по соразмерности его дачи к прочим владениям того прихода». Напротив, излишнюю землю полагалось оставлять во владении духовенства. Отведенные к Церкви земли полагалось отделять от помещичьих и крестьянских «особыми окружными межами» [61, с. 407-408]. Порядок наделения земельными наделами, доставшийся в наследство от предшествующего периода, сохранялся во вполне узнаваемом виде. Сами представители духовенства, в особенности его низшее звено – дьячки и пономари – рассматривали хлебопашество как вполне приемлемый и стабильный источник доходов. Как говорилось в отчетах благочинных, «материальный быт духовенства довольно сносен <...> причты пользуются выгодами от церковной земли» [34]. Изредка прихожане жаловались на представителей духовенства, принуждающих их работать на церковной земле. В 1849 г. прихожане Волосовского прихода сообщали консистории, что местный дьякон «гонит народ к себе на помощь для работ», а в случае «противности» со стороны прихожан обещает «иметь неудовольствие» [40, л. 1]. В документах начала XX в. есть данные и о добровольной помощи крестьян духовенству. В 1902 г. благочинный второго округа Лодейнопольского уезда указывал, что прихожане относятся к священникам почтительно, оказывают им услуги «по хозяйству и хлебопашеству» [33].

Если количество земли, имеющейся в распоряжении причта, оказывалось недостаточным, духовное начальство проявляло обеспокоенность. В 1879 г. каргопольский благочинный указывал в рапорте архиерею: «Причты всех

церквей наделены землею, хотя и не везде в надлежащей пропорции». Особенно сильный недостаток «ощущается в сенных покосах в Троицком и Саунинском приходах, вследствие чего духовенство не может содержать потребное количество для землепашества скота» [60]. Из приведенной цитаты видно, что духовенство самостоятельно решало все хозяйственные проблемы. Консистория поощряла усердных пахарей и порицала тех представителей духовенства, которые не проявили достаточного трудолюбия. Благочинный, священник Шуйского погоста Петр Мишуриин сообщал в 1857 г. Олонецкой духовной консистории: «Священники всех 10 погостов, получая казенное штатное жалованье, пользуясь землею, некоторые ругою и доброхотным подаянием от прихожан, могут жить безбедно и даже иметь удобства по материальной жизни». Возникающие проблемы связаны с отсутствием у клириков должного трудолюбия. Например, «дьячки Виданского и Соломенского погоста могли бы иметь достаточное содержание, если бы были более усердны к обрабатыванию церковной земли <...>. Пономарь Соломенского погоста тоже ленится обрабатывать землю, и имеет порядочное семейство, от того и живет бедно» [52].

Для современников событий сельский труд служителей Церкви представлялся достойным одобрения истинно христианским образом жизни. В некрологе священнику Палтогского прихода Ф.И. Щукине, опубликованном в 1906 г., указывалось, что в трудные годы «главным пособием ему служило разумное ведение сельского хозяйства». Священник «нередко сам сеял хлеб, убирал его в стоги, молотил и веял на гумне. При уборке же сена метание зародов было страстно любимое его занятие» [20, с. 37]. Особое внимание на сельскохозяйственные труды приходского духовенства обратил олонецкий губернатор Ю.К. Арсеньев. Он установил, что «местные священники ни о чем не заботятся, кроме своих треб и добывания от них денег, самое знание непосредственно окружающего их края крайне недостаточно». Из всех священников «только двое или трое занимаются усердно земледелием и принесли примером своего хозяйства пользу окрестным поселянам» [7, с. 185].

В начале XX в. в прессе начали раздаваться голоса, протестующие против такого порядка вещей, при котором духовенство постоянно занимается крестьянскими земледельческими трудами, отвлекаясь от пастырских обязанностей. Священник В. Мегорский подробно изложил недостатки такого положения. Духовенство не имеет ни «привычки и сноровки» в обработке земли, ни свободного времени. Обработка церковной земли «посредством помочей, устраиваемых по праздничным дням за угощение прихожан водкою», также нецелесообразна, поскольку приводит к непочитанию праздничных дней. Земля служит причиной «раздора и недоразумений между пастырями и прихожанами», что приводит не только к межличностным конфликтам, но и к судебным разбирательствам. Вывод статьи очевиден. Духовенство следует незамедлительно обеспечить государственным жалованьем. В ответ оно должно отказаться от всех имеющихся в их распоряжении сенокосов, лесных наделов и пашен [28, с. 475-476]. Другой священник, скрывающийся под характерным псевдонимом «Обиженный», полагал, что «от занятия землей – одни лишь заботы да хлопоты с ранней весны, все лето и почти до октября месяца» [29, с. 555]. Идея нашла поддержку у знатока потаенных сторон приходской жизни, пишущего статьи под именем А. П-й. Он полагал, что в начале XX в. при тогдашнем уровне цен священники заведомо были не в состоянии обрабатывать землю. Они не могли закупать лучшие семена, и передовые орудия труда и нередко были вынуждены продавать зерно осенью, а не весной, когда цены значительно выше [1, с. 232].

В противовес критическим статьям в том же издании появилась другая публикация. Автор, основываясь на личном опыте, подчеркивал как несомненную выгоду владения земельными наделами, так и необходимость сохранения за служителями церкви имеющихся у них участков. Обретение познаний и навыков в земледелии нужно духовенству, полагал он, для улучшения агротехники. Если священники «отрешатся от предрассудков старины», приобретут новейшие, усовершенствованные орудия труда и лучшие семена, то очень скоро и сами получают выгоду и «прихожанам покажут, как от

хлебопашества получить наибольший доход» [38]. В годы Первой мировой войны епархиальная пресса продолжала публиковать настойчивые призывы, обращенные к духовенству, заняться сельскохозяйственным трудом и таким способом надежно обеспечить свои семейства средствами к существованию.

В 1915 г. в «Олонецких епархиальных ведомостях» появилась статья с приложенной к ней положительной резолюцией епископа. В ней подчеркивались всевозможные выгоды огородничества, занявшись которым «сельское духовенство могло бы значительно увеличить свое собственное состояние» [6]. Аналогичные доводы и сегодня звучат в трудах исследователей церковной истории. Современные специалисты убеждены, что занятие сельским хозяйством «еще теснее связывало причт и приход» [23, с. 168], а знакомство священника с земледелием служило источником «близости и взаимопонимания» между ним и прихожанами [58, с. 30]. Отчет обер-прокурора Синода за 1911-1912 гг. позволяет создать обобщенную картину использования церковных земель причтами. Наделы «как источник содержания духовенства далеко не везде служат достаточным средством материального его обеспечения». В приходах с плодородной землей духовенство «находит еще возможным заниматься хозяйством». Но в большинстве приходов «с незначительным количеством церковной земли», «обработка ее мало содействует благосостоянию духовенства» [12, с. 184-185].

Землевладение приходского духовенства оставалось на протяжении длительного времени одной из наиболее консервативных сфер жизни прихода. Причина сохранения древних традиций состоит в порядке пополнения угодий, принадлежащих клирикам. Специфические способы пополнения находящихся в пользовании священно- и церковнослужителей угодий встречаются редко. Землевладению духовенства присущ дуализм в той его форме, которая характерна и для всей системы крестьянского землепользования. С одной стороны, священно- и церковнослужители, особенно в XVIII в., участвовали в частичных перераспределениях земли исходя из возможностей несения тяглых обязательств. С другой – имело место не связанное с внесением денег в «мир»

землепользование, существующее на основании норм обычного права: индивидуальное пользование расчистями, прикупными участками.

Список литературы:

1. А. П-й. Сельские пастыри как образованные благоустроители крестьянского хозяйства // Олонецкие епархиальные ведомости (ОЕВ). 1907. № 8. С. 232-234.
2. Александров Н. Сборник церковно-гражданских правил в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1860. 256 с.
3. Андреев Д. Сборник правил о средствах содержания духовенства и разделе их между членами причтов. СПб.: И.Л. Тузов, 1906. 92 с.
4. Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX в. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2012. 124 с.
5. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.
6. Благочинным и причтам Олонецкой епархии к сведению, руководству и исполнению // ОЕВ. 1915. № 7. С. 119.
7. Бузин В.И., Левитский С.А. История Олонецкого земства. Вып. 1: Дореформенный период и введение земских учреждений. Петрозаводск: Олонецкая губернская типография, 1917. 218 с.
8. Ведомость о приходах Олонецкой епархии за 1802 год // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 97/2079. Л. 1-39 об.
9. Ведомость о состоянии Олонецкого Николаевского собора за 1879 г. // НА РК. Ф. 25. Оп. 19. Д. 14/168. Л. 1.
10. Всеволодов А. Земля в представлениях и жизнеустройстве сельского приходского духовенства Вологодской епархии в 1860–1870-х гг. // Российская история. 2019. № 1. С. 146-160.

11. Всеподданнейший доклад Святейшего Синода о способах к успешнейшему образованию духовного юношества и к обеспечению приходского духовенства // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Пг., 1915. Т. 1. № 184. С. 248.
12. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1911-1912 гг. СПб.: Синодальная типография, 1913. 230 с.
13. Журнал Олонецкой казенной палаты // НА РК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 31/1082. Л. 1-26.
14. Завещание крестьянина Афанасия Ларионова // Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 650. Оп. 1. Д. 2/33. Л. 17.
15. Завещание пономаря церкви Николая Чудотворца Туломозерской волости // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 61. Д. 93. Л. 1.
16. Ивановский Я. Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов) с историческими примечаниями и приложениями. Справочная книга. СПб.: Синод. тип., 1883. 365 с.
17. Инструкция землемерам к генеральному всей империи земель размежеванию // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание первое. СПб., 1830. Т. 17. № 12 570.
18. Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам // ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 17. № 12 659.
19. Кавелин С.П. Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян. М.: Типолиитография В. Рихтер, 1912. 72 с.
20. Казанский А. Протоиерей о. Федор Иванович Щукин // ОЕВ. 1906. № 1. С. 37-38.
21. Калашников Д.Н. «Молитесь чаще, нам прибыли больше!»: К вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства во второй половине

XIX–начале XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 129-135.

22. Колесников П.А. Северная деревня в XV–первой половине XIX в. К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда: Северо-Западное книжное изд-во, 1976. 416 с.

23. Кузнецов С.В. Православный приход в России в XIX в. // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX вв. М.: Наука, 2002. С. 156-178.

24. «Купчая запись» о приобретении имущества священником Федором Васильевым // НА РК. Ф. 584. Оп. 3. Д. 5/67. Л. 8.

25. Летопись церкви во имя святителя и чудотворца Николая и во имя святого апостола Фомы, что в Брусенском приходе, Олонецкой епархии Петрозаводского уезда // ОЕВ. 1906. № 7. С. 297-305.

26. Листова Т.И. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север: этническая история и народная культура. XII-XX века. М.: Наука, 2004. С. 725-747.

27. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

28. Мегорский В. О церковной земле // ОЕВ. 1906. № 12. С. 475-476.

29. Обиженный. Разбитые мечты и обманутые надежды // ОЕВ. 1911. № 32. С. 555-557.

30. Описание Немжинского прихода // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 57/1248. Л. 9.

31. Описание Плотиченского прихода // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 57/1248. Л. 20.

32. Описание Подпорожского прихода // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 57/1248. Л. 12-15 об.

33. Отчет благочинного 2 округа Лодейнопольского уезда // НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 9/96. Л. 147.

34. Отчет благочинного 2 округа Олонецкого уезда за 1879 г. // НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 25.
35. Павлов А.С. Курс церковного права. СПб.: Издательство «Лань», 2002. 384 с.
36. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России: Юридические очерки. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1877. Т. 1. 447 с.
37. Першин С.В., Шитова Т.В. К вопросу о доходности земельных участков православных причтов в начале XX в. (по материалам мордовского края) // *Экономическая история*. 2021. Т. 17. № 1. С. 49-57.
38. По вопросу о церковной земле // *ОЕВ*. 1906. № 14. С. 538.
39. Примеченный образ правления в деревнях разного рода государственных крестьян // *Архив Санкт-Петербургского Института истории*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 380. Л. 146-148.
40. Прошение верующих Волосовского прихода // НА РК. Ф. 25. Оп. 7. Д. 47/16. Л. 1-2.
41. Прошение «дьячкова сына» Егора Кузмина из Ильинской выставки Водлозерского погоста // *РГИА*. Ф. 796. Оп. 54. Д. 121. Л. 4.
42. Прошение духовенства Пиркинского прихода с жалобой на самоуправство крестьян // НА РК. Ф. 30. Оп. 14. Д. 2/10. Л. 1-1 об.
43. Прошение священника и причта Яндебского прихода // НА РК. Ф. 25. Оп. 7. Д. 80/35. Л. 2.
44. Прошение священника Вытегорского уезда Контужской волости Тимофея Никифорова в Олонецкую нижнюю расправу // НА РК. Ф. 584. Оп. 3. Д. 49/667. Л. 3.
45. Прошение священника о крестьянах деревни Харевщины // НА РК. Ф. 30. Оп. 14. Д. 2/10. л. 1-1 об.
46. Прошение крестьян Андомского погоста о незаконном отмежевании земли священнику // НА РК. Ф. 642. Оп. 1. Д. 32/317. Л. 1.

47. Прощение крестьян Контужской волости // НА РК. Ф. 650. Оп. 1. Д. 10/160. Л. 1-5.
48. Прощение крестьян деревни Нижней Андроновской // НА РК. Ф. 642. Оп. 1. Д. 12/110. Л. 1.
49. Прощение крестьян Шунгского погоста в Олонецкий верхний суд // НА РК. Ф. 642. Оп. 1. Д. 12/110. Л. 2.
50. Прощение крестьян Остреченского прихода с жалобой на действия священника // РГИА. Ф. 796. Оп. 62. Д. 243. Л. 23-23 об.
51. Прощение священника Оштинского прихода Лодейнопольского уезда // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 7/142. Л. 1-1 об.
52. Рапорт благочинного священника Шуйского погоста Петра Мишурина // НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 10/100. Л. 42.
53. Рапорт настоятеля церкви Вытегорского погоста священника Федора Сермягина // НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 127/1313. Л. 39.
54. Рапорт Олонецкой верхней расправы // НА РК. Ф. 656. Оп. 4. Д. 25/484. Л. 12.
55. Рапорт прапорщика Боровитинова // Российский государственный архив древних актов. Ф. 433. Оп. 1. Д. 28. Л. 29.
56. Рапорт священно- и церковнослужителей Ругозерского прихода в Олонецкую духовную консисторию // НА РК. Ф. 25. Оп. 4. Д. 49/28. Л. 6-7.
57. Резолюция епископа Олонецкого и Каргопольского // НА РК. Ф. 25. Оп. 17. Д. 1/6. Л. 63.
58. Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб.: Алетейя, 2003. 255 с.
59. Сведения по программе вопросов, составленных присутствием по делам православного духовенства // НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 57/1248. Л. 21-24.
60. Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан по 2 округу Каргопольского уезда за 1879 год // НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 60/1. Л. 127.
61. Свод законов межевых // Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских узаконений, относящихся к духовному

ведомству. М., 1901. С. 407-412.

62. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II: В 2-х тт. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 2. 656 с.

63. Соображение собранных сведений относительно обеспечения православного сельского духовенства в Петрозаводском уезде землями, домами и единовременными пособиями // НА РК. Ф. 25. Оп. 17. Д. 3/37. Л. 7.

64. Сообщение Олонецкого духовного правления Олонецкой нижней расправе о крестьянах Лоянского прихода // НА РК. Ф. 584. Оп. 6. Д. 10/211. Л. 1-1 об.

65. Сообщение Олонецкой духовной консистории Олонецкому губернскому правлению // НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 360/3597. Л. 17.

66. Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI – XVII вв. М.: «Индрик», 2002. 352 с.

67. Указ Олонецкого земского суда крестьянам Мегрецкого погоста // НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 79/8557. Л. 7.

68. Указ Петрозаводской нижней расправы // НА РК. Ф. 63. Оп. 3. Д. 50/439. Л. 7-7 об.

69. Фарсинонов А. Немжинский приход Лодейнопольского уезда // ОЕВ. 1906. № 13. С. 508-509.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.